

А. В. Баранов, О. В. Рвачёва

Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х — 1930-х годов*

Баранов Андрей Владимирович

доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Рвачёва Ольга Владимировна

кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград, Россия)

Проблема протестных настроений казачества в период свертывания нэпа и массовой коллективизации весьма актуальна. В теоретическом плане эта тема полезна для определения возможностей неконвенционального политического участия и гражданской самоорганизации в условиях авторитарного режима, проводящего модернизацию сверху. В прикладном аспекте история народного сопротивления коллективизации исследована фрагментарно. Источники свидетельствуют о достаточно высоком распространении протестных настроений среди казаков, однако есть обоснованные сомнения в реалистичности существования и активной деятельности казачьих контрреволюционных организаций, особенно в условиях 1930-х гг.

Цель статьи — определить масштабы и преобладающие формы противодействия политике власти со стороны донского казачества, переосмыслить факты выявления ОГПУ контрреволюционных организаций казачества в конце 1920-х — 1930-х гг.

Временной интервал исследования выбран с 1927 по 1938 г.: от начала хлебозаготовительного кризиса, ставшего катализатором свертывания нэпа, до завершения коллективизации.

Пространственные пределы анализа — ареал проживания донского казачества, в изучаемый период разделенный

примерно поровну между Северо-Кавказским (с 1934 г. — Азово-Черноморским) и Нижне-Волжским краями. В составе краев существовали округа, делившиеся на районы. Согласно итогам Всесоюзной переписи населения (декабрь 1926 г.), на данной территории постоянно проживали 1 млн 325,2 тыс. донских казаков, составлявших 41,0 % населения региона. Важно, что наибольший удельный вес казаков в населении отмечался на Верхнем Дону (в Хоперском округе), а наименьший — в городах¹. Следовательно, хронологические и территориальные рамки достаточны для достижения цели статьи.

Кратко обозначим долгосрочные обстоятельства, которые определяли расстановку общественно-политических сил на Дону к исходу нэпа и их взаимоотношения. Казаки, 91,6 % которых проживали в станицах и хуторах, в основном занимались сельским хозяйством². Они сохраняли «трудовые» земельные наделы, существенно превышавшие таковые у «иногородних» крестьян. Соотношение социально-имущественных групп внутри казачества было совершенно иное, нежели среди крестьянства. А. П. Кожанов на основе данных переписи 1926 г. пришел к выводу, что среди казаков было 6,8 % бедняцких и батрацких семей (среди «иногородних» — 48,3 %), середняки составляли 88,1 % казачьих и 46,4 % крестьянских семей; зажиточные и кулаки — 5,1 % казачьих и 4,4 % «иногородних» семей³. Казачество состояло в бессловных земельных обществах — общине, активно участвовало в местных выборах Советов и кооперативных организаций, с 1925 г. казаки призывались в ряды Красной армии (территориальные формирования). Например, по подсчетам члена бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Д. А. Булатова, в 1926 г. 36 % членов станичных Советов и 25 % их председателей в Донском округе были казаками⁴. Таким образом, донское казачество сохраняло весомый потенциал общественной самоорганизации. Это, бесспорно, препятствовало ужесточению политического режима и коллективизации.

В 1927 г. взаимоотношения между властью и земледельцами, в том числе на Дону, начинают качественно меняться к худшему. Исследователи единодушно определяют период конца 1920-х — начала 1930-х гг. как усиление напряженности в обществе и рост социальных конфликтов. Характеристика отношений между властью и сельским населением варьируется в историографии от «границ гражданской войны», «квазигражданской войны» до «перманентного социального конфликта»⁵. Основной причиной сложившейся ситуации стало кардинальное изменение стратегии построения социализма: отказ от нэпа и внедрение внеэкономических мер воздействия на крестьянина, усиление роли ОГПУ и, соответственно, наращивание мер репрессивного характера. В 1927–1928 гг. значительно выросло число арестованных и осужденных. Согласно «Сведениям о сроках приговоров к безусловному лишению свободы в январе и феврале 1928 г. в связи с хлебозаготовками», подготовленным прокурором Северо-Кавказского края Бурмистровым, было осуждено 846 казаков и крестьян (в том числе 481 кулак, 263 середняка и 180 иных). Из них 122 чел. приговорены по п. 10 ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР — за контрреволюционную деятельность⁶. Секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреев в докладе на пленуме крайкома 27 марта 1928 г. приводит данные за весь период хлебозаготовок. Из них очевидно, что основной жертвой репрессий стал середняк: в числе 3424 осужденных — 641 торговец, 759 кулаков, 1281 середняк

и 254 бедняка⁷. Специальная комиссия ВЦИК, занимавшаяся в 1928 г. разбором заявлений и жалоб, поступивших в Президиум ВЦИК в связи с хлебозаготовками, была вынуждена констатировать, что деревню захлестнуло разбушевавшееся море беззакония, с крестьянами стало трудно мирно беседовать⁸.

Ответом на государственное насилие становится общественный протест, принимавший разнообразные формы. «Обзор политсостояния станицы и села в связи с хлебозаготовительными и продовольственными затруднениями в июне месяце 1928 г.», составленный Полномочным представительством ОГПУ СССР по Северо-Кавказскому краю на 1 июля 1928 г., отмечал за июнь 1928 г. в крае 93 массовых выступлений хлеборобов с участием 11,5 тыс. чел. (в том числе 85 % бедняков, 10,5 % середняков и 4,5 % — кулаков). В числе 386 антисоветских выступлений 289 — преимущественно казачьи по составу и 97 — крестьянские; среди 86 фактов антиправительственных слухов в 58 случаях они распространялись казаками; высказывания о необходимости и поддержке повстанческой борьбы фиксировались среди 58 казаков и 19 крестьян⁹. В. А. Бондарев выявляет на Юге России в рассматриваемый период 17 методов крестьянского сопротивления давлению власти (от агитации до самоубийств и терактов), определяет активные, пассивные и тупиковые формы сопротивления¹⁰. По мнению А. П. Скорика, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. активные методы протеста казачьего населения — бунты и террористические акты начинают преобладать над пассивными¹¹.

Действительно, сводки ОГПУ фиксируют быстрый и значительный рост активных методов протеста. Если за 1926 и 1927 гг. ОГПУ зафиксировало по всей стране 63 массовых выступления, то в 1928 г. их количество увеличилось до 709, а в 1929 г. составило 1307. Значительно выросло количество террористических актов: в 1928 и 1929 гг. оно составило соответственно 1027 и 9093 теракта¹².

Позитивный настрой казачества в отношении политики большевиков, сформировавшийся в 1924–1925 гг.¹³, менялся под влиянием новых политико-экономических факторов. С 1926 г. наблюдался рост оппозиционной политической активности земледельцев, в том числе казачества в Северо-Кавказском крае. В 1927 г. ОГПУ были раскрыты 243 антисоветские группы, что более чем в два раза превышало аналогичный показатель за 1926 г. (91 группа). В 1928 г. было раскрыто 273 антисоветских и 133 контрреволюционных группы и зарегистрировано только за январь — март 1928 г. 32 теракта¹⁴. По обзорам ОГПУ, в Северо-Кавказском крае за май — июнь 1929 г. было отмечено 1047 выступлений и 183 теракта против хлебозаготовок¹⁵.

С начала 1930 г., в связи с увеличением темпов сплошной коллективизации усиливается конфронтация власти и сельского населения и возрастает количество репрессий. Рост количества арестованных и высланных стал следствием не только открытых проявлений недовольства коллективизацией, но и политики ОГПУ, направленной на нанесение упреждающего удара по тем элементам в крестьянской среде, которые потенциально могли сформировать организованный активный протест. Так, согласно Приказу ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса, принятому 2 февраля 1930 г. по отдельным районам СССР, в целях «подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства»

было намечено для изъятия определенное количество «кулацко-белогвардейских контрреволюционных элементов»¹⁶. По районам Северо-Кавказского края, а также Нижне-Волжского края, т. е. в тех регионах, где компактно проживало казачество, было намечено к изъятию соответственно 6–8 тыс. и 4–6 тыс. чел.¹⁷

Особенно жестко ОГПУ действовало по отношению к тем, кого определяли, как кулаков-белогвардейцев, повстанцев, бывших бандитов, бывших белых офицеров, репатриантов из первой категории кулаков. В отношении них должны были применяться «решительные меры наказания, вплоть до высшей меры наказания»¹⁸. Казачество находилось под особым контролем власти. По мнению С. А. Кислицына, в ОГПУ ожидали массового выступления казаков, полагая, что в лице бывших казачьих офицеров, казаков-реэмигрантов они не найдут активных сторонников колхозного строя и в целом большевистской диктатуры¹⁹. В казачьих станицах ОГПУ взяло на учет всех «неблагонадежных казаков», особенно репатриантов. Так, только по Хоперскому округу ОГПУ выявило 350 чел. бывших белых офицеров-реэмигрантов и 2200 чел. рядовых эмигрантов. На учет были взяты все, кто имел родственников-белозэмигрантов за границей²⁰.

С 1929 по 1938 г. в донских казачьих округах Нижне-Волжского края и Северо-Кавказского (с 1934 г. — Азово-Черноморского) края ОГПУ будет регулярно выявлять контрреволюционные организации. Характеризоваться эти организации будут как казачьи контрреволюционные повстанческие. Так, по данным ОГПУ, в Сталинградской области с 1929 по 1937 г. было выявлено несколько крупных казачьих контрреволюционных бандитско-повстанческих организаций, возглавляемых бывшими казачьими авторитетами и офицерством. В числе таковых назывались Хоперская организация — появившаяся в 1929 г. на территории Хоперского округа, охватившая несколько районов и имевшая 600 участников; контрреволюционная организация, возникшая в 1930 г. на территории бывшего 2-го Донского округа, также охватывавшая несколько районов с преимущественно казачьим населением и имевшая численность 120 чел. В 1933 г. контрреволюционная повстанческая организация численностью 310 чел. была выявлена вновь в районах бывшего Хоперского округа. Наконец, в 1937 г. выявлена контрреволюционная повстанческая организация в составе свыше 300 чел., охватившая своей деятельностью 13 казачьих районов Сталинградской области²¹.

В районах Ростовской области ОГПУ также раскрывает контрреволюционные казачьи организации. В период с 1928 по 1931 г. только в Азовском районе выявляются четыре таких организации, возглавляемые бывшими белыми офицерами. Некоторые из этих организаций характеризовались как «глубокое контрреволюционное подполье в ряде казачьих станиц Азовского района»²². Среди наиболее значительных по масштабам и численности контрреволюционных организаций были: повстанческая организация «Союз хлеборобов», выявленная в Ростове-на-Дону, а также «Союз борьбы за освобождение крестьян», раскрытый в Новочеркасске, который, по мнению С. А. Кислицына, носил крестьянско-казачий характер²³.

Крупной контрреволюционной повстанческо-вредительской организацией была организация, действовавшая, по данным ОГПУ, в 1933 г. в станице Елизаветинской Азовского района Северо-Кавказского края. По делу проходил 51 чел., деятельность организации охватывала станицы Елизаветинскую, Верхне-Гниловскую

и г. Ростов-на-Дону. Одной из наиболее известных была контрреволюционная казачья организация Семерникова, действовавшая, по данным ОГПУ, в г. Шахты и станицах Нижнекундрюченской, Семикаракорской, Константиновской и др.

Выявление казачьих контрреволюционных организаций совпадает с политическими кампаниями, проводившимися властью в тот период. Так, Хоперская организация была раскрыта в 1929 г., что совпало с началом в Нижне-Волжском крае ускоренной коллективизации и объявлением Хоперского округа опытно-показательным районом сплошной коллективизации, завершение которой планировалось к 1 января 1930 г. В уголовном деле о Хоперской контрреволюционной повстанческой организации в качестве цели деятельности ее участников значилось стремление к свержению Советской власти в бывших казачьих областях, говорилось, что организация вела борьбу с мероприятиями советской власти — хлебозаготовками и колхозным строительством, терроризировала советский актив и бедноту²⁴.

Цели и деятельности другой «казачье-белогвардейской повстанческой организации»²⁵, вскрытой в 1933 г. в Хоперском округе, по определению ОГПУ, были напрямую связаны с противодействием тем мерам по ликвидации капиталистических элементов в деревне, которые проводила советская власть. Результатом этого сопротивления стало то, что «враждебные элементы казачества» в казачьих районах Хопра вновь переключились «на путь организованной к-р. (контрреволюционной. — А. Б., О. Р.) повстанческой работы»²⁶. Их вредительско-диверсионная работа заключалась в деморализации колхозных масс и вредительстве против деятельности колхозов, в вовлечении населения хуторов в массовые выступления и попытках расправиться с сельским активом²⁷.

Как явствует из обвинительного заключения по делу антисоветской группировки, действовавшей в 1929 г. в Вёшенском районе Донецкого округа, члены группировки проводили агитацию среди населения, направленную на срыв проводимых советской властью «очередных мероприятий и ударных кампаний»²⁸. Особо подчеркивалось, что деятельность группы усилилась в текущую хлебозаготовительную кампанию: «На хуторском собрании... взбудоражили казаков к отказу от принятия контрольной цифры по хлебозаготовке, заявляя: "...отнимают у нас последний хлеб, хотят, чтобы мы и дети наши подошли с голода, не допустим мы этого..."»²⁹.

На подготовку вооруженного восстания для свержения Советской власти была, по мнению органов ОГПУ, направлена деятельность казачьей контрреволюционной повстанческо-вредительской организации в станице Елизаветинской Азовского района Северо-Кавказского края в 1933 г. Вредительская деятельность членов организации проявлялась: в организации хищения рыбы в рыболовецких бригадах, порче рыболовецкого инвентаря, разложении трудовой дисциплины в бригадах, срыве планов улова рыбы³⁰.

Однако наличие хорошо организованных, если верить следственным делам ОГПУ, разветвленных контрреволюционных организаций со значительным количеством участников в казачьей среде ни разу (!) не привело к масштабным выступлениям. Возникает вопрос: действительно ли казачество было готово с оружием в руках выступить против власти или это был политический миф, а такие организации являлись плодами «творчества» ОГПУ?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос содержат материалы следственных дел ОГПУ на участников казачьих контрреволюционных организаций. Подобные выявлявшиеся организации, несмотря на внушительные размеры и весьма разветвленную, по данным ОГПУ, структуру, не имели боевого ядра. Они нередко представляли собой разветвленную сеть небольших групп. Количество членов каждой группы в соотношении с количеством населения хутора или станицы, в которых она должна была действовать, показывает ее небольшие возможности по организации не только контрреволюционного переворота, но и активных террористических действий.

Так, Хоперская контрреволюционная организация в 1929 г. якобы охватывала 7 районов и более 75 населенных пунктов. Однако самые большие группы этой организации численностью 38, 40 и 42 чел. должны были действовать на территориях 6–8 хуторов каждая. Были группы по 7–10 чел. также действовавшие на территориях нескольких хуторов. Контрреволюционная казачья организация, вскрытая в станице Елизаветинской, действовала в Азовском районе и охватывала деятельностью 7 населенных пунктов, включая г. Ростов-на-Дону. В ячейках этой организации в среднем было по 10–11 чел., а общее количество ячеек — 8, т. е. примерно по одной на населенный пункт³¹.

Структуры организаций характеризовались как военизированные, имеющие боевые сводные отряды, командный состав и разработанный оперативный план действий, как в случае с Хоперской организацией в 1929 г. Однако ни в одной выявленной организации не было найдено оружия, а на допросах обвиняемые вели речь только о том, где они его предположительно добудут. Так, один из обвиняемых по делу упомянутой Хоперской организации показывал на допросе, что в их группе у трех человек имелось две винтовки, два обреза и один наган³². Были варианты предполагаемого нападения на оружейные склады, а также снабжения повстанцев оружием через «своих людей» в военкоматах. Но ни один из этих вариантов не был осуществлен.

Наиболее важными аргументами существования казачьих контрреволюционных организаций являлись:

1) постоянно присутствовавшая на казачьих землях контрреволюционная опасность; у выявлявшихся контрреволюционных организаций было солидное прошлое, доказывавшее неслучайность их возникновения. Так, в обвинительном заключении по делу казачьей контрреволюционной организации, действовавшей в Хоперском округе в 1932–1933 гг., целый раздел был посвящен истории и причинам ее возникновения. В историческом «анамнезе» говорилось, что в 1918–1920 гг. на Хопре был ликвидирован ряд весьма крупных организаций. Однако на смену «разгромленным одним к-р. (контрреволюционным. — А. Б., О. Р.) подпольным формированиям приходили другие»; «ныне вскрыта и ликвидирована к-р. организация, включившая в свои ряды сохранившихся участников, ранее ликвидированных к-р. формирований»³³;

2) антибольшевистское прошлое членов организаций; среди участников Хоперской контрреволюционной организации в 1933 г. из 122 арестованных участников значилось 11 бывших белых офицеров, 25 чел. младшего командного

состава белых, 11 реэмигрантов, 59 рядовых белогвардейцев, и 22 участника прошлых контрреволюционных восстаний³⁴.

Служба обвиняемых в белой армии и в особенности участие в восстаниях или карательных акциях против красных обязательно указывалось в анкетах. Для Верхнего и Среднего Дона к таким формам контрреволюционной борьбы относились прежде всего участие в захвате и расправе над отрядом Председателя СНК Донской Советской Республики Ф. Г. Подтёлковым в 1918 г. и участие в Вёшенском восстании 1919 г. Участие в этих событиях служило либо отягчающим обстоятельством, либо основой обвинения. Характерен случай с известным историческим прототипом Григория Мелехова — Х. В. Ермаковым, которого после ареста в 1927 г. обвиняли в том, что он в 1919 г. в Вёшенском восстании «был командиром восставших... а в настоящее время Ермаков ждет белых, давит бедноту, смеется над коммунистами...»³⁵.

Особое место в следственных делах занимала информация о связи местных организаций с казачьими антисоветскими центрами за рубежом. Факты, подтверждающие эту связь, должны были не только усугублять вину подозреваемых, но и придавать организации солидность. Так, о прибывших из-за границы офицерах, которые в г. Ростове-на-Дону готовят восстание, говорилось в следственном деле по контрреволюционной организации в станице Елизаветинской³⁶. Особо подчеркивалось, что казаки во многих хуторах имеют родственников за границей, получают от них письма «с призывами к казачеству готовиться и ждать прихода победоносных белых армий...»³⁷.

Наиболее показательным примером выстраивания логической связи местных контрреволюционных организаций казаков с заграничной является дело о контрреволюционной организации Сенина. Знакомство с этим делом показывает, что процесс создания им контрреволюционной повстанческой организации носил, с одной стороны, авантюрный, а с другой — провокационный характер. В деле много основанной на слухах и откровенных домыслах информации о разрастании на Дону и Кубани повстанческого движения казаков, формировании крупных антисоветских групп, готовых ликвидировать советскую власть³⁸. Из следственного дела видно, что все попытки Сенина наладить связи с такими группами, а также с лицами, прибывшими из-за границы, оканчиваются неудачей, а сами эти лица нередко являются вымыслом, как в случае с повстанческой группой, возглавлявшейся Я. Фоминым, — личностью, известной своей повстанческой деятельностью в 1920-х гг., однако к моменту рассматриваемых в деле событий он был мертв уже несколько лет (Я. Фомин погиб в 1922 г.)³⁹.

По мнению А. В. Венкова, это была фиктивная контрреволюционная организация, в создании которой приняли участие органы ОГПУ, распространявшие ложную информацию о разворачивании повстанческого движения на Дону и провоцировавшие Сенина и других казаков организовать для участия в нем⁴⁰. Целью таких действий являлось предотвращение массовых выступлений казаков. Кроме этого, ситуация с организацией Сенина, вероятно, сформировалась под воздействием другой масштабной акции — операции «Трест», проводившейся ОГПУ во второй половине 1920-х гг. с целью привлечения в СССР лидеров эмигрантов для руководства якобы существующим антисоветским сопротивлением. Казачья

эмиграция составляла значительную часть эмиграции, была хорошо организована в военном смысле и вызывала со стороны ОГПУ особое внимание⁴¹.

Следующий период выявления казачьих контрреволюционных организаций — 1937–1938 гг. Он характеризуется проведением массовых репрессий по всей стране. В рамках данной кампании развернулись репрессии на Дону, которые, по мнению А. В. Венкова, были напрямую связаны с решением Политбюро ЦК ВКП(б) о необходимости выявления и взятия на учет всех, кто мог быть отнесен к антисоветскому элементу (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах»). Выполняя данное Постановление, партийно-советское руководство Азово-Черноморского края (далее — АЧК) определило следующее количество лиц, подлежащих репрессиям: 6644 чел. по первой категории (расстрел) и 6962 чел. по второй категории (арест и высылка)⁴².

В 1937–1938 гг. в АЧК и Сталинградской области в местностях проживания донского казачества НКВД выявляет крупные и разветвленные контрреволюционные организации, деятельность которых связывается с правотроцкистской опасностью и антисоветской деятельностью партийно-советского руководства АЧК в лице районных, окружных и краевых руководителей, вплоть до первого секретаря Азово-Черноморского краевого комитета ВКП(б) Б. П. Шеболдаева и председателя крайисполкома В. Ф. Ларина.

Уголовные дела на казаков — участников контрреволюционных организаций этого периода раскрывают картину разветвленной сети контрреволюционных повстанческих казачьих групп, нити руководства которыми тянулись в Азово-Черноморский краевой комитет ВКП(б) и крайисполком. Так, в 1937 г. раскрывается дело о контрреволюционной организации «Народники», деятельность которой определялась как правотроцкистская. Фигурантами по делу проходили представители хозяйственно-административных органов (уполномоченные по заготовкам, директора МТС, совхозов, председатели райисполкомов, заведующие финансовыми отделами в районах, а также бригадиры и рядовые колхозники), как правило, родом из казаков⁴³.

Деятельностью организации, по версии ОГПУ, были охвачены ряд районов Северо-Донского округа: Вёшенский, Морозовский, Базковский, Мигулинский, Боковский, Тацинский район и др. На допросах обвиняемые показывали связь районных структур с краевым руководством. Следователи добивались, чтобы из признательных показаний обвиняемых стало ясно, что их курировали и прикрывали первые лица краевых и окружных партийно-советских структур. Речь шла прежде всего о Б. П. Шеболдаеве и И. Т. Касилове.

В показаниях обвиняемых говорилось о том, что И. Т. Касилов ориентировал людей на создание настроений неприязни и враждебности к Советской власти в массах казачества⁴⁴. Другой обвиняемый на допросах показывал, что в его вовлечении в контрреволюционную деятельность принимал участие лично Б. П. Шеболдаев, который способствовал его переводу в Северо-Донской округ и давал ему установки по проведению агитационной вредительской работы среди казачества⁴⁵.

Указанное уголовное дело в 1937 г. получило общественно-политический резонанс. Обвиняемыми проходили П. К. Луговой, П. А. Красюков и Т. А. Логачев, причем последний был другом М. А. Шолохова. Шолохов лично обратился к Сталину

относительно необоснованности ареста Логачева⁴⁶, и его вмешательство немало способствовало тому, что в октябре 1937 г. следствие по делу было прекращено, а обвиняемые освобождены⁴⁷.

О том, что уголовные дела о контрреволюционных организациях и вредительской деятельности с участием казачества являлись продуктом «творчества» ОГПУ, говорят и зачастую абсурдные признательные показания обвиняемых. Так, в ряде уголовных дел по казачьим контрреволюционным организациям в качестве доказательства террористической деятельности приводятся признания обвиняемых в том, что они способствовали внедрению в Донской казачий хор в 1936–1937 гг. лиц, которые должны были совершить террористические акты в отношении И. В. Сталина и других руководителей ВКП(б) и членов правительства⁴⁸. В 1937 г. художественный руководитель и главный дирижер хора А. Г. Тушканов был арестован.

Чаще всего в качестве доказательства вредительской деятельности фигурировали факты срыва либо некачественного выполнения тех или иных хозяйственных планов и задач. К таковым относили заболевание и падеж скота, сев в неподготовленную почву, потери при уборке зерна, нарушение хранения скоропортящихся продуктов и порча их в итоге и т. д., создание неразберихи и сумбура в планировании сельского хозяйства: «В организации труда колхозников из округа поступали бесконечные и противоречащие указания. Этим срывались сроки работ, непрерывно дергались колхозники, что вызывало раздражение и недовольство с их стороны и давало почву кулацким элементам клеветать на колхозы, партию, власть»⁴⁹. Таким образом, за антисоветскую подрывную деятельность выдавались ситуации плохо организованного управления и, в самом худшем случае, — недобросовестности работников, т. е. то, что было административным правонарушением, но не уголовным и тем более не контрреволюционным. Отсутствие состава преступления в таких делах подтверждалось последующей реабилитацией осужденных.

Итак, в конце 1920-х — 1930-х гг. в ареале проживания донского казачества периодически возникали острые социальные конфликты между населением и властью. Эти конфликты имели объективные причины и были проявлением сложных адаптационных процессов, происходивших вследствие перехода от нэпа к административно-командному управлению страной, форсированной коллективизации. Однако партийно-государственные органы власти рассматривали такие конфликты как свидетельства враждебного настроения населения в целом, содержащие потенциальную угрозу политической системе, и, действуя превентивно, старались устранить угрозу.

В конце 1920-х гг. донское казачество, надломленное Гражданской войной, уже не могло активно сопротивляться политике власти. Сыграла свою роль и политика «лицом к казачеству», проводившаяся на Юге России в середине 1920-х гг., а затем в 1935–1936 гг. Значительная часть донского казачества стала лояльной советской системе и в основном поддержала органы партийно-государственной власти в их действиях по свертыванию нэпа и проведению коллективизации. Несмотря на то что открытое проявление недовольства казачьего населения Дона политикой власти в различных формах действительно имело место, факты наличия контрреволюционных казачьих повстанческих организаций в конце 1920-х — 1930-х гг. были продуктом мифотворчества ОГПУ.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 16-11-34003 «Социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг.».

¹ Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д., 1928. С. 3–10, 28–29, 88–97; *Кожанов А. П.* О возрождении казачества // Возрождение казачества. Ростов н/Д., 1995. С. 11.

² Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. С. 3–10.

³ *Кожанов А. П.* К вопросу о социально-демографическом составе казачества Северного Кавказа (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года) // Известия Северо-Кавказского науч. центра высш. школы. Сер.: Общественные науки. 1992. № 3. С. 130–135.

⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 468. Л. 29–30.

⁵ *Бондарев В. А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х — начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005. С. 322; *Данилов В. П.* Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. М., 1999. С. 52; *Красильников С. А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009. С. 29.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 790. Л. 27–28.

⁷ Там же. Д. 622. Л. 52–53.

⁸ Обзор Комиссии по делам частной амнистии при ВЦИК заявлений и жалоб, поступивших в Президиум ВЦИК в связи с проведением хлебозаготовительной кампании с 20 апреля по 30 июня 1928 г. // Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 313, 316.

⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 157 об.–161 об.

¹⁰ *Бондарев В. А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни... С. 325–327.

¹¹ *Скорик А. П.* К периодизации и типологии протестного движения казачества Юга России против коллективизации // Клио. 2010. № 3 (50). С. 140.

¹² *Данилов В. П.* Введение (Истоки и начало деревенской трагедии). С. 63.

¹³ *Рвачева О. В.* Социально-политические настроения донского казачества в первой половине 1920-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 1. С. 99–111.

¹⁴ *Баранов А. В.* Политическая активность и сознание казаков на Северном Кавказе // Казачий сборник. Ученые записки Донского юрид. ин-та. 2000. № 2. С. 159.

¹⁵ *Кислицын С. А., Кириченко А. С.* Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX в. Ростов н/Д., 2007. С. 295.

¹⁶ Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 гг. М., 2000. С. 163–164.

¹⁷ Там же. С. 164.

¹⁸ Там же. С. 164.

¹⁹ *Кислицын С. А., Кириченко А. С.* Указ и шашка... С. 293.

²⁰ Архив Управления ФСБ Волгоградской области (далее — АУФСБ ВО). Ф. 6. Д. 14310. Л. 3.

²¹ Там же. Ф. 7. Д. 572. Л. 344–345.

²² Архив Управления ФСБ Ростовской области (далее — АУФСБ РО). Д. 114. Л. 2.

²³ *Кислицын С. А., Кириченко А. С.* Указ и шашка... С. 296.

²⁴ АУФСБ ВО. Ф. 6. Д. 14310. Л. 1.

²⁵ Формулировка из обвинительного заключения уголовного дела // АУФСБ ВО. Ф. 7. Д. 330. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 17–18.

²⁸ АУФСБ РО. Д. 53653. Л. 84.

²⁹ Там же. Л. 85.

³⁰ Там же.

- ³¹ Там же. Л. 84.
- ³² АУФСБ ВО. Ф. 6. Д. 14310. Т. 10. Л. 13–14.
- ³³ АУФСБ ВО. Ф. 7. Д. 330. Л. 2.
- ³⁴ Там же. Л. 27.
- ³⁵ АУФСБ РО. Д. П-38850. Л. 10–10 об.
- ³⁶ АУФСБ РО. Д. 114. Л. 4.
- ³⁷ АУФСБ ВО. Ф. 6. Д. 14310. Л. 4.
- ³⁸ Козлов А. И. М. А. Шолохов: времена и творчество. По архивам ФСБ. Ростов н/Д., 2005. С. 262–263.
- ³⁹ Венков А. В. «Дело Сенина», или Операция «Грест» на Верхнем Дону. М., 2016. С. 82.
- ⁴⁰ Там же. С. 196.
- ⁴¹ Венков А. В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Ч. 2. Авторы «Тихого Дона». М., 2010. С. 829.
- ⁴² Венков А. В. Союз троцкистов и белых казаков, или разгром советско-партийной вер-хушки в Азово-Черноморском крае в 1937 г. // Наука Юга России. 2017. Т. 13, № 2. С. 3.
- ⁴³ АУФСБ РО. Д. П-24707. Л. 10, 27, 28, 31 и др.
- ⁴⁴ Там же. Л. 15, 19.
- ⁴⁵ Там же. Л. 15.
- ⁴⁶ Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным 1931–1950 гг.: сб. доку-ментов из личного архива И. В. Сталина / сост. Ю. Мушин. М., 1997. С. 19.
- ⁴⁷ АУФСБ РО. Д. П-24707. Л. 148.
- ⁴⁸ АУФСБ РО. Д. П-24011. Л. 93; Д. П-24707. Т. 1. Л. 128.
- ⁴⁹ АУФСБ РО. Д. П-24707. Т. 2. Л. 20.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Баранов А. В., Рвачёва О. В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х — 1930-х годов // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 613–624. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.305>
УДК: 94(470.6) “1927–1937”

Аннотация: В конце 1920-х гг. вследствие свертывания нэпа и перехода к форсированной коллективизации произошло резкое ухудшение взаимоотношений крестьянства и партийно-государственной власти. В ареале проживания донского казачества коллективизация развивалась особенно конфликтогенно. В статье выявлены причины и формы протестных настроений донского казачества, факты деятельности казачьих контрреволюционных организаций конца 1920-х — 1930-х гг. Основной причиной противодействия казачества политике органов власти были насильственный характер мер коллективизации и репрессии в отношении широких слоев сельского населения. Протестные выступления донских казаков в ряде случаев имели насильственный характер. Но в конце 1920-х гг. донское казачество, надломленное Гражданской войной, уже не могло активно сопротивляться политике власти. Сыграла свою роль политика «лицом к казачеству», проводившаяся на Юге России в середине 1920-х гг., а затем в 1935–1936 гг. Весомая часть донского казачества стала лояльной советской системе и в основном поддержала органы партийно-государственной власти в их действиях по свертыванию нэпа и проведению коллективизации. Вместе с тем создание контрреволюционных организаций на Дону (1927–1937 гг.), приписываемое казакам органами государственной безопасности, в большинстве случаев было фикцией, что доказывается анализом впервые вводимых в научный оборот источников. Правоохранительные органы продолжали «вычищать» тех, кто потенциально мог оказать сопротивление режиму, а казачество было очень легко использовать для подтверждения массовости и широты контрреволюционных заговоров любой оппозиции.

Ключевые слова: донское казачество, коллективизация, формы протеста, контрреволюционные организации, репрессивная политика, конец 1920-х — 1930-е гг.

Сведения об авторах: Баранов А. В. — доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия); baranovandrew@mail.ru |

Рвачёва О. В. — кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград, Россия); olgarvacheva@mail.ru

FOR CITATION

Baranov A. V., Rvachyova O. V. 'The protest moods of the Don Cossacks and the repressive state policy of the late 1920s — 1930s', *Modern history of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, p. 613–624. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.305>

Abstract: In the late 1920s after the abandonment of the New Economic Policy and expansion of the forced collectivization relationships between the peasantry and the Party and State authorities sharply deteriorated. The collectivization was especially painful in the Don Cossack area. The article reveals the causes and forms of protest mood of the Don Cossacks as well as the activities of Cossack counterrevolutionary organizations in the late 1920s and 1930s. The principal causes of Cossacks' opposition to the authorities were the forced collectivization and mass persecutions of the countryside population. In many cases Cossacks' protests were accompanied by violence. But in the late 1920s, the Don Cossacks were not able to protest actively as they had been broken down by the Civil War. Besides the state "face to Cossacks" policy in the south of Russia reached its goals in the mid-1920s and in 1935–1936. A major part of the Don Cossacks grew loyal to the Soviet power and supported the authorities in the abandonment of the NEP and conducting collectivization. The reported formation of Cossack counterrevolutionary organizations on the Don in 1927–1937 turned out to be false in most cases. It is proved by the newly revealed historical documents. Law-enforcement organs kept on "cleaning out" those who could menace the state regime while the Cossacks could be easily used to "show" the mass character and widespread of counterrevolutionary plots from any kind of opposition.

Keywords: Don Cossacks, collectivization, forms of protest, counterrevolutionary organizations, a policy of repressions, the late 1920s and 1930s.

Authors: *Baranov A. V.* — Doctor in History, Doctor in Political Sciences, Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russia); baranovandrew@mail.ru | *Rvachyova O. V.* — Candidate of History, Associate Professor, Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Volgograd, Russia); olgarvacheva@mail.ru

References:

- Bondarev V. A. *Fragmentarnaya modernizatsiya postoktyabrskoi derevni: istoriya preobrazovaniy v sel'skom hozyaistve i evolyutsiya krest'yanstva v konce 20-kh — nachale 50-kh godov XX veka na primere zernovykh raionov Dona, Kubani i Stavropoliya* (Rostov-on-Don, 2005).
- Danilov V. P. 'Vvedenie (Istoki i nachalo derevenskoi tragedii)', *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: dokumenty i materialy*, 5 vols., Vol. 1. *Mai 1927 — noyabr' 1929* (Moscow, 1999).
- Rvacheva O. V.* 'Socialno-politicheskie nastroyeniya donskogo kazachestva v pervoj polovine 1920-kh gg', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. 4. *Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 22, no. 1, 2017.
- Krasilnikov S. A. *Serp i Molokh. Krest'janskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* (Moscow, 2009).
- Skorik A. P. 'K periodizatsii i tipologii protestnogo dvizheniya kazachestva Yuga Rossii protiv kollektivizatsii', *Klio*, no. 3 (50), 2010.
- Baranov A. V. 'Politicheskaya aktivnost i soznanie kazakov na Severnom Kavkaze', *Uchenye zapiski Don. yurid. in-ta*, no. 2, 2000.
- Kislitsyn S. A., Kirichenko A. S. *Ukaz i shashka. Politicheskaya vlast' i donskie kazaki v XX v.* (Rostov-on-Don, 2007).
- Kozlov A. I. *M. A. Sholokhov: vremena i tvorchestvo. Po arhivam FSB* (Rostov-on-Don, 2005).
- Venkov A. V. *"Delo Senina" ili operatsiya "Trest" na Verkhnem Donu* (Moscow, 2016).
- Venkov A. V. *"Tihij Don": istochnikovaya baza i problema avtorstva*, Part 2. *Avtory "Tihogo Dona"* (Moscow, 2010).
- Venkov A. V. 'Soyuz trockistov i belykh kazakov, ili razgrom sovetsko-partiinoy verhuski v Azovo-Chernomorskom krae v 1937 g.', *Nauka Yuga Rossii*, vol. 13, no. 2, 2017.